

auf die in der Untersuchung nur kurz eingegangen wird. Die ältesten und älteren Entlehnungen sind phonetisch und morphologisch dem Udmurtischen angepaßt worden, wie z. B. *Онди, Ондруш, Ондок* < *Андрей, Огей, Эгей* < *Алексей, Митрей* < *Дмитрий, Вара, Вару* < *Барвара, Одок* < *Евдокия* usw. Die heute offiziellen udmurtischen Personennamen haben ihre russische Form allgemein bewahrt. M. Atamanov hat die Bildung der udmurtischen Familiennamen von früheren und heutigen Personennamen beschrieben. Ergänzend zur Anthroponymie hat er auch die Familiennamen besprochen, die von Personen- und Ortsnamen abstammen. Die meisten Familiennamen sind nach den Prinzipien der russischen Familienna-

men gebildet worden. In der Volkssprache werden auch udmurtische Personen- und Familiennamen gebildet: *Сандок Коля = Николай Александрович, Дурга Педор = Федор Дургин*. Schriftsteller und Künstler können udmurtische Pseudonyme haben, so wie *Кузубай Герд = Кузма Чайников, Кедро Митрей = Дмитрий Корепанов*.

Als Zusammenfassung für das dritte Kapitel hat M. Atamanov ein wichtiges historisch-etymologisches Wörterverzeichnis verfaßt (S. 132—149). Dem Werk wurde auch ein Literaturverzeichnis beigelegt.

Man kann mit Überzeugung konstatieren, daß das rezensierte Buch eine anerkannte Errungenschaft der finnisch-ugrischen Sprachwissenschaft ist.

PAUL ARISTE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1989.3.15>

М. К. Каракулова, Спаренные глаголы в удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1988.

20 декабря 1988 г. в Институте языкознания Академии наук СССР на заседании специализированного совета Д 002.17.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации М. К. Каракуловой по теме «Спаренные глаголы в удмуртском языке». Официальными оппонентами на защите выступили доктор педагогических наук, профессор Г. Н. Никольская (Москва), кандидат филологических наук С. К. Бушмакин (Москва).

Исследование М. К. Каракуловой посвящено сложной и малоисследованной проблеме удмуртского языкознания — спаренным глаголам. Автор поставила перед собой цель — всесторонне рассмотреть удмуртские спаренные глаголы как особую лексико-грамматическую группу слов с присущими им лексическими значениями, грамматическими признаками, функциональными свойствами. Для достижения ее необходимо было решить следующие задачи: 1) соотнести спаренные глаголы с русскими приставочными глаголами; 2) установить связь спаренных глаголов с категорией вида и способов действия в удмуртском языке;

3) выявить место спаренных глаголов в «Удмуртско-русском словаре» 1983 г.; 4) определить распространенность спаренных глаголов в удмуртском литературном языке; 5) проанализировать структуру, лексико-грамматические признаки спаренных глаголов, связь их компонентов; 6) выявить своеобразие спаренных глаголов в отличие от спаренных глаголов в татарском языке.

Решение намеченных задач осуществлялось путем анализа лексического материала двуязычных словарей, художественных произведений удмуртских писателей и других лингвистических источников. М. К. Каракулова успешно справилась с этими задачами.

Цели исследования соответствует структура работы: введение, две главы, заключение, перечень источников, список использованной литературы.

Во «Введении» обосновывается актуальность темы, ставится цель исследования, излагается история изучения удмуртских спаренных глаголов, начиная с работы Б. Мункачи 1883 г. до современных исследований по удмуртской филологии, дается краткая историческая

справка о формировании спаренных глаголов в удмуртском языке, территориальное распространение их. Отмечается, что ученые называли их разными терминами, но для удмуртских глагольных сочетаний, учитывая степень спаянности их компонентов, структуру и характер семантики, автор считает приемлемым термин спаренные глаголы. М. К. Каракулова уточнила ряд положений о спаренных глаголах удмуртского языка. Так, специально изучавший деепричастия и деепричастные конструкции удмуртского языка П. Н. Перевошиков сделал вывод, что спаренные глаголы с деепричастием на *-тэк* более характерны для удмуртского языка. Автор данной работы пришла к заключению, что деепричастия на *-са* употребляются в роли деепричастного компонента удмуртских спаренных глаголов гораздо шире, чем деепричастия на *-тэк*.

В I главе «Особенности спаренных глаголов удмуртского языка по отношению к особенностям русских приставочных глаголов и аналитических глагольных конструкций в разных языках» излагаются результаты, связанные с определением статуса спаренных глаголов в удмуртском языке: структура, грамматические признаки, особенности в сравнении со спаренными глаголами в других языках. Дается достаточно полное определение спаренных глаголов удмуртского языка. Они рассматриваются как сочетания спрягаемой формы определенной группы глаголов с деепричастиями на *-са*, *-тэк*, которые чаще составляют единое целое по значению. Наличие в языке большого количества спаренных глаголов дает основание выделить их в особую лексико-грамматическую группу.

По структуре они имеют свойства, характерные только для этой лексической группы: деепричастие обычно несет основную смысловую нагрузку, а глагол в различной степени десемантизируется и является грамматическим оформителем. Вместе с тем финитные глаголы оказывают влияние на лексическое значение деепричастия, а затем и на все сочетание в целом. В главе дан подробный анализ каждого компонента спаренных глаголов. В роли финитно-глагольного компонента в удмуртском, как и в других языках, выступают обычно глаголы с широкой се-

мантикой (глаголы движения, покоя, состояния и т. д.). В сочетании с деепричастием ослабляется их основное значение и они начинают передавать направление движения, начало, завершенность действия и т. д. Иногда эти глаголы настолько утрачивают первоначальное лексическое значение, что в сочетании с деепричастиями могут выступать в качестве синонимов. Например: *кесьыса куштыны, кесьыса бастыны* 'вырвать'. Деепричастный компонент в спаренном глаголе передает способ, признак действия. Таким образом, спаренные глаголы характеризуют действие с двух сторон: 1) деепричастный компонент выражает способ действия, финитно-глагольный — его направление; 2) деепричастный компонент обозначает действие, а финитно-глагольный — характеризует это действие; 3) деепричастный компонент обозначает действие, а финитно-глагольный — указывает на завершенность действия. При этом деепричастие тесно сливается с финитно-глагольным компонентом и образует спаренный глагол с единым значением.

Здесь же дается сравнительный анализ удмуртских спаренных глаголов с русскими префиксальными глаголами по «Русско-удмуртскому словарю» 1956 г. Оспаривая мнение М. П. Чхаидзе, утверждающего, что вторые глаголы в спаренных глаголах выполняют ту же грамматическую функцию конкретизатора действия, что и приставки в префиксальных языках, М. К. Каракулова справедливо утверждает, что русские глаголы не со всеми приставками соответствуют удмуртским спаренным глаголам, и аргументирует это положение анализом спаренных глаголов «Русско-удмуртского словаря» в двух направлениях: 1) от русского языка к удмуртскому и 2) от удмуртского языка к русскому. Такой подход к анализу материала представляется удачным.

В работе устанавливается, что удмуртским спаренным глаголам соответствуют русские глаголы со следующими приставками: *в-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-*, *недо-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *у-*, и то не со всеми значениями.

В результате анализа автором сформулирован ряд выводов: между удмуртскими спаренными глаголами и приставочными глаголами русского языка боль-

ше расхождений, чем соответствий; удмуртские спаренные глаголы соответствуют русским префиксальным глаголам только в одном из значений; русская глагольная приставка и финитно-глагольный компонент удмуртского языка принципиально отличаются друг от друга по роли в общем значении в приставочном и в спаренном глаголе; в русском языке основное лексическое значение заключено в глагольной основе, модифицирующее — в приставке, в удмуртском языке нередко лексическое значение передает не один деепричастный компонент, а в сочетании с финитно-глагольным компонентом, поэтому значения многих приставочных глаголов не находят выражения в форме спаренных глаголов удмуртского языка, а многие финитно-глагольные компоненты удмуртских спаренных глаголов невозможно передать при помощи русских глагольных приставок.

М. К. Каракулова впервые в финно-угорском языкознании выдвигает предложение о целесообразности использования в финно-угроведении термина кратность (однократный/многократный) вместо термина вид, поскольку в финно-угорских языках глаголы противопоставляются не по совершенности и несовершенности действия, а по способу его протекания (каким образом и при каких обстоятельствах).

Далее сопоставляются отражение и подача спаренных глаголов в «Удмуртско-русском словаре» с подобными конструкциями в «Татарско-русском словаре», а также спаренные глаголы в удмуртском и русском языках, включенные в названные словари. Хочется отметить еще одно положение, привлекающее внимание новизной мысли. Ряд исследователей, учитывая, что удмуртские спаренные глаголы являются татарскими заимствованиями, не обнаруживают между ними разницы. М. К. Каракулова утверждает, что спаренность глаголов в удмуртском и татарском языках не является полностью идентичной ни функционально, ни по степени спаянности компонентов, ни по лексической их слитности и самостоятельности. Представлен большой список спаренных глаголов, которые могут быть использованы в последующих лингвистических исследованиях, при составлении словарей, учебно-методической лите-

ратуры. Высказаны критические замечания в адрес этого словаря с целью дальнейшего совершенствования в нем словарных статей.

В этой же главе спаренные глаголы рассматриваются с точки зрения их структуры и функционирования в сопоставлении с аналитическими конструкциями в славянских, романских и германских языках. Этот сравнительный анализ привел автора к очень важному выводу о том, что немецкие и английские глагольные образования в основном выполняют функцию грамматическую, удмуртские же спаренные глаголы образуют следующую ступень уменьшения грамматикализованности и возрастания лексичности финитно-глагольного компонента, т. е. несут в основном лексическую, а не грамматическую нагрузку. Интересно наблюдение автора, что спаренные глаголы отличаются от исходных (неспаренных) тонкими смысловыми нюансами, связанными не с действием, а с фоном, ситуацией, обстановкой, в которых оно совершается. Причем в примерах, к сожалению, нет буквального перевода, приведенные же приставочные русские глаголы не передают их значение в полной мере.

Для выявления специфичности спаренных глаголов они сопоставлены с глагольно-именными устойчивыми сочетаниями. Анализ показал их близость по структуре, лексическому и грамматическому значению и отличие по лексической значимости финитно-глагольного компонента, который в спаренных глаголах несет большую нагрузку, чем глагольный компонент в глагольно-именном сочетании.

Ценна и интересна II глава «Собственно спаренные и периферийные спаренные глаголы». Она построена на анализе лексики двуязычных словарей и отрывков художественных произведений. Спаренные глаголы распределены по двум группам: собственно спаренные и периферийные. Основным критерием такого деления послужила степень функциональной и лексической сращенности компонентов. В собственно спаренных глаголах каждый компонент как бы утрачивает свое лексическое значение и только в сочетании компонентов формируется другое значение. Спаренный глагол становится единым, неделимым и может быть заменен простым глаголом. Такая

нерасчлененность наблюдается и в других спаренных глаголах, где основную смысловую нагрузку несет глагол. В периферийных спаренных глаголах оба компонента, хотя и не абсолютно полно, сохраняют свое значение — сращение компонентов неполное. Периферийные спаренные глаголы разработаны довольно подробно с учетом внешних и внутренних связей их компонентов: смыслового содержания, наличия зависимых слов, порядка слов в них.

Автор рассматривает каждый финитно-глагольный компонент в составе собственно спаренных и периферийных спаренных глаголов, их влияние на семантические значения глаголов. Финитно-глагольные компоненты спаренных глаголов по степени их употребления распределены по двум группам: 1) общие для собственно спаренных и периферийных спаренных глаголов; 2) встречающиеся только в периферийных спаренных глаголах. Финитный глагол в сочетании с деепричастиями в собственно спаренных глаголах десеантизируется, а в периферийных спаренных глаголах сохраняет семантику. Но не все глаголы могут войти в состав спаренных глаголов. Приводится полный перечень глаголов, способных быть компонентом собственно спаренных и периферийных спаренных глаголов. Семантика спаренных глаголов раскрыта в составе предложений из произведений удмуртских писателей. Финитно-глагольные компоненты рассмотрены в сочетании большого количества деепричастий на *-са* и *-тэк*.

Интересен раздел, в котором собственно спаренные и периферийные спаренные глаголы сравниваются с татарскими спаренными глаголами, отмечается общая их структура: одинаковость моделей и степень спаянности компонентов. Делается вывод, что удмуртские спаренные глаголы вообще возникли под влиянием татарского языка, а также что спаренные глаголы удмуртского и татарского языков близки лишь в рамках собственно спаренных глаголов как более сросшихся глагольных образований. В удмуртском языке, по утверждению автора, шире распространены периферийно спаренные глаголы.

К числу спаренных глаголов, характерных только для удмуртского языка, автор относит образования с редкими,

оказиозальными финитно-глагольными компонентами *вырыны* 'пытаться', *калгыны* 'бродить', *усыны* 'упасть' и некоторыми другими. Сопоставительный анализ позволил вычленить следующие их группы: 1) удмуртские и татарские спаренные глаголы, тождественные по структуре и функционированию; 2) спаренные глаголы, тождественные структурно, но различающиеся функционально; 3) спаренные глаголы, имеющие структурные и функциональные различия; 4) спаренные глаголы, характерные только для удмуртского языка; 5) спаренные глаголы, характерные только для татарского языка.

Особо исследованы спаренные глаголы: 1) образованные с деепричастиями на *-тэк*; 2) с отрицанием при деепричастии и с отрицанием при финитно-глагольном компоненте; 3) с сочетанием двух глаголов с одинаковыми суффиксами лица, числа и времени; 4) со сравнительными словами (*кадь*, *сямен*, *выллем*); 5) с деепричастием с суффиксом *-гес*; 6) выступающие в роли различных членов предложения; 7) с несколькими деепричастиями при одном общем финитно-глагольном компоненте.

В современной грамматике удмуртского языка в качестве спаренных глаголов рассматривались только глагольные образования с деепричастным компонентом на *-са*. М. К. Каракулова впервые подробно анализирует спаренные глаголы с деепричастным компонентом на *-тэк*, отмечая функциональное, структурное и семантическое их своеобразие по сравнению со спаренными глаголами с деепричастным компонентом на *-са*. Автор заметила, что деепричастия на *-тэк* могут сочетаться с узким кругом финитно-глагольных компонентов, выражают частное отрицание — отрицание содержания, заключенного только в деепричастии, а деепричастие на *-са* с отрицательной частицей при глагольном компоненте выражает общее отрицание — отрицание всего предложения. Весьма существенно замечание и о том, что спаренные глаголы с деепричастием на *-тэк* с отрицательным финитно-глагольным компонентом выражают подчеркнуто утвердительное значение, т. е. отрицание + отрицание дает утвердительное значение. Важен и вывод: деепричастия на *-тэк* как компо-

нент спаренного глагола выражают качественную характеристику основного глагольного действия.

В работе приводится тип глагольных сочетаний с союзом *но*: *кырзас но лэзиз* 'запел'. По утверждению автора, они еще не собственно спаренные глаголы. Но если первый глагол превратится в деепричастие, эти сочетания могут стать таковыми. К сожалению, не приведено ни одного примера. Это положение, по нашему мнению, не бесспорно: спаренными глаголами они могут стать только в том случае, если союз опускается: *кырзаса лэзиз* 'запел'.

Интересно в работе установление промежуточных образований. Это сочетание с несколькими глаголами или деепричастными компонентами, либо при одином компоненте наличие пояснительных слов, сравнительных частиц — самые различные стадии образования спаренных глаголов. Подобные примеры свидетельствуют, что процесс в удмуртском языке продолжается.

В «Заключении» сформулированы основные выводы исследования.

В целом работа М. К. Каракуловой — глубокое и ценное исследование, восполняющее определенный пробел в удмуртской филологии.

Отмечая достоинства работы, хотелось бы высказать и некоторые замечания.

1) Было бы желательно более широкое использование фольклорно-диалектологического материала Б. Мункачи, Ю. Вихманца и других исследователей XIX в. в сопоставлении с образцами современной живой речи. Рассматриваемое исследование в основном построено на материале двуязычных словарей, которые не отражают динамику развития.

2) Хотелось бы познакомиться с мнением автора о тенденциях развития спаренных глаголов в удмуртском языке.

3) Для раскрытия смысловых оттенков глаголов необходимо было снабдить их буквальными переводами с оговоркой, что они сделаны автором.

4) Не совсем ясна позиция автора в отношении введения в школьную, вузовскую практику, лингвистические исследования термина кратность вместо термина вид.

5) В работе указывается, что финитно-глагольный компонент изменяет смысловое содержание спаренных глаголов в стилистическом плане (с. 22), однако стилистический аспект спаренных глаголов не рассмотрен. В практике же речи многие из них употребляются с различными эмоционально-экспрессивными оттенками, кроме того, выступают и в качестве определенных средств различных функциональных стилей языка. Спаренные глаголы участвуют в конструировании текста как зачин, концовка со значением начала действия, завершения и т. д.

6) Каждый национальный язык по-своему богат и своеобразен. Одним из своеобразий удмуртского языка являются спаренные глаголы. Это отмечает М. К. Каракулова при сопоставлении семантики спаренных глаголов в удмуртском языке с таковой в других языках. Следовало бы проанализировать их как достоинство языка, как одно из средств, аккумулировавших его выразительность и богатство. Например, переводы спаренных глаголов *сэрпалтыса лэзиз* 'выкинул', *мылкыдэз сьрыса куштйз* 'испортил настроение', *палгытыса куштйз* 'сбросил' передают приблизительное значение, в приведенных удмуртских глаголах гораздо больше экспрессии.

Высказанные замечания не отражаются на общей высокой оценке рассматриваемого труда. Исследование, несомненно, важное, обогащающее удмуртскую филологию. Результаты его могут быть использованы при разработке проблем удмуртского языкознания и близкородственных языков, при создании учебной, методической литературы, а также преподавателями школ и вузов, журналистами, переводчиками, работниками местного издательства, радио и телевидения.

Г. Н. НИКОЛЬСКАЯ, С. К. БУШМАКИН
(Москва)